

Викинь чужий ЯЗЫК...?

[Михаил Красиков, доцент кафедры этики, эстетики и истории культуры]

#30 от 15.12.2006

Да, да именно такую странную фразу

«Викинь чужий ЯЗЫК,

У тебе є своя МОВА!»

– прочел я на днях на доске объявлений в помещении одной весьма уважаемой мною молодежной просветительской организации, ведущей действительно огромную краеведческую работу. Ниже висело объявление о курсах по изучению украинского языка, озаглавленное президентским слоганом (по несколько раз на день вдалбливавшимся «державним» радио): «Думайте по-українськи!» И мне стало грустно.



Нет, я-то как раз «думаю по-українськи», особенно находясь по 50 дней в этнографических экспедициях. Да и помню, как нам, ученикам английской спецшколы, учителя всегда говорили: «Вы только тогда будете знать язык, когда будете думать по-английски». (Готовясь к сдаче кандминимума, я с изумлением ловил себя на том, что формулирую свои мысли на английском...). Плохого в призыве «думать...», разумеется, ничего нет. Но когда это благопожелание становится чуть ли не директивным и когда к нему примешивается откровенная русофобия – тут уж впору загрустить.

Спрашивается: почему любовь к своей «мове» должна непременно сопровождаться ненавистью к «чужому языку»? И с каких пор русский язык стал для слобожан ЧУЖИМ? Великий харьковский филолог и фольклорист 2-й половины XIX в. Александр Афанасьевич Потебня, выходец из старинного казацкого рода (о чем выразительно свидетельствует его фамилия, означающая деталь конской упряжи), собирал украинские песни и был известным «украинофилом», но он всегда рассматривал любой феномен украинской культуры только в общеславянском контексте, да и прославился как русист, за что и был избран член-

корреспондентом Петербургской Академии наук. Его ученик – академик Николай Федорович Сумцов, первым в Украине начавший читать лекции в Императорском (!) харьковском университете по-украински, также был человеком широких взглядов: Пушкин был для него не меньшим кумиром, чем Шевченко. Чего не скажешь о харьковчанине Мыколе Михновском – теоретике и «практике» украинского национализма, который в ответ на запрет властей в 1914 г. отмечать годовщину со дня рождения Тараса Шевченко, подложил бомбу под памятник Пушкину в Театральном сквере (она взорвалась, постамент треснул, однако бюст не пострадал; трещину замазали, но она видна до сих пор). Примечательно, что столь радикальный метод борьбы за пресловутую «національну ідею» не нашел поддержки и понимания даже среди «національно свідомої» интеллигенции Харькова – но не в силу ее «трусливости» или «слабости», а по причине того, что человек, выросший в Слободской Украине, и в особенности в Харькове, не может не испытывать чувство БЛАГОДАРНОСТИ по отношению к обеим культурам, которые его взрастили – русской и украинской.



, 10 , .

Перечень известных харьковчан, обогативших обе культуры, поистине огромен. Назову хотя бы имя Измаила Ивановича Срезневского – собирателя и издателя «Запорожской старины», а впоследствии – академика-слависта, составителя авторитетного словаря древнерусского языка. Вспомним и одного из лучших историков XIX в. Николая Ивановича Костомарова, выпускника Харьковского университета, написавшего сотни статей как о русской истории и культуре, так и об украинской. Да и наш славный земляк И.Е. Репин, воспевший запорожцев, стал в первую очередь деятелем РУССКОЙ культуры (которая в 19 веке еще не растаскивалась по этническим закоулкам). Как и Гоголь, в чьем сознании милая его сердцу Малороссия никогда не противопоставлялась России: дальнейшую судьбу своей малой Родины он не представлял без большой.

Если выкидывать «чужой язык», надо «сделать ручкой» «недальновидному» Николаю Васильевичу. Придется не читать написанные по-русски изумительные репинские воспоминания «Далекое – близкое», содержащие ярчайшие описания чугуевского быта середины XIX в. Да и целый том сочинений Кобзаря следует отправить в спецхран (а еще

лучше сжечь, как в старые «добрые» времена), ибо еще можно объяснить подрастающему поколению наличие у украинского классика русскоязычных сочинений «утисками цензури», но как пояснить, почему «провідник української нації» писал дневник для себя по-русски? Конечно, в истории русско-украинских отношений много драматичных и трагических страниц. Да, есть основания у украинских патриотов называть Переяславскую Раду «Переяславською Зрадою» и повторять слова из старинной песни, где Богдан именуется «нерозумним сином»: плюсы и минусы воссоединения, увы, оказались практически равными. Русское боярство и изначально относилось к Б. Хмельницкому отнюдь не как к равноправному партнеру, а уж после заключения договора (который в полном объеме русская сторона и не думала выполнять), и вовсе ни о какой паритетности интересов уже речи не было. Какое там «братство народов»! Типично феодальные отношения: сюзерен (более сильный) – вассал (более слабый)!

Прошло полвека. Русские войска под руководством «светлейшего» Александра Меншикова, мстя Мазепе, не просто снесли с лица земли гетманскую столицу Батурин, но расправились с мирными жителями, в том числе с младенцами, которых разбивали головой о камень (точно так же поступали с еврейскими детьми фашисты в Холодногорском детдоме).

Голодомор 1933 года справедливо называют геноцидом украинского народа. Среди умерших от голода действительно было большинство этнических украинцев. Правда, современные украинские политики, а часто и историки, замалчивают тот факт, что голод был и в русских, и в смешанных селах, и страдали от него представители всех этносов, проживавших тогда на Украине. И разве Россия, а не вполне интернациональная «власть соловецкая», устроила эту чудовищную акцию? И разве среди непосредственных организаторов голодомора мало было украинцев? Ведь ходили со щупами не приезжие «москали», а свои – соседи, а то и родственники.

Да, и совсем уж в недавние годы власть беспощадно душила в украинцах всякое проявление национального чувства. Известный этнограф Елена Боряк рассказывала мне, какой шок они, первокурсники истфака Киевского университета им. Т. Шевченко, испытали, когда 1 сентября на первой же лекции преподаватель дал им добрый совет не появляться возле памятника Шевченко в сквере напротив университета в дни годовщины поэта. Чем это грозило, поведал мне учившийся примерно в те же 1970-е годы в Киевском государственном институте иностранных языков бандурист Михаил Коваль, живущий на Черкащине. 22 мая, в день перезахоронения праха Шевченко в Каневе, он положил скромный букетик ландышей к подножию постамента Тараса. Тут же он был сфотографирован сотрудником КГБ, его заставили предъявить документы, а вскоре начались неприятности: таскание в «органы» (выяснение, к какой националистической организации он принадлежит), снятие с должности комсорга курса и т. д.

Подобные факты можно приводить до бесконечности. Но виноват ли русский народ в том, что среди него были (и есть) мерзавцы? (А в каком народе их нет?) Виноват ли русский язык, который царские, а затем советские сатрапы использовали в своих политических целях – как орудие русификации. (Это только в Древней Греции нож, которым убили

человека, считался виновным и подлежал суду). Виновата ли, наконец, великая русская культура в том, что ее, выхолощенную и обескровленную, бес-культурные идеологи использовали в своих имперских интересах? («Советскому» Пушкину, в сущности, так же не повезло, как и «советизированному» Шевченко).

Для культурного человека не бывает ни «лишней» культуры, ни «чужого» языка. Культура – это всегда жадный поиск и обретение РОДСТВА. И радость от этого обретения. А ксенофобия делает человека беднее, злее, уже, провинциальнее. Пожалейте себя. Не обкрадывайте.

Человек, не уважающий другой народ, другой язык, никогда по-настоящему не узнает и не полюбит собственный.